

**Д. А. Сафонов****Красноармейцы в повстанческом движении на Южном Урале (1920—1921 гг.)**

В статье выдвигается тезис о необходимости выделения в крестьянском повстанчестве периода Гражданской войны особого этапа — протеста красноармейцев. Начиная с 1920 г. в южноуральском регионе происходили выступления частей Красной Армии, ранее зарекомендовавших себя сторонниками советской власти. Осуществляемые ими жесткие действия в отношении коммунистов закрепили за ними определение антисоветских и антикоммунистических. На деле они таковыми не являлись, их протест был направлен не против Советов, не против революционных преобразований, не против коммунистических идей, но против конкретных людей с партийными билетами, осуществлявших на местах неверный и губительный, по их мнению, курс. Отсюда подобные выступления красноармейцев следует рассматривать как попытки корректировки курса, проводимого коммунистами, стоявшими у власти, а их программы — как альтернативный вариант развития революции и строительства нового мира.

**Ключевые слова:** повстанчество, красноармейцы, коммунисты, протест, модель строительства социализма.

В существующей на сегодняшний день обширной отечественной историографии повстанческого движения периода Гражданской войны наблюдается тенденция рассматривать таковое как нечто единое (у многих авторов встречаются хронологические рамки, охватывающие 1918—1921 гг. [11; 34], 1918—1922 гг. [1; 12; 14; 30], 1918—1923 гг. [35]; некоторое различие в рубежной дате — из-за своего понимания и толкования времени завершения Гражданской войны), разумеется, с признанием определенных региональных особенностей, но все же единое по причине общего противника — коммунистической власти, а также идейной близости (ряд авторов предлагает называть взгляды повстанцев собирательно «Программой» [7; 13]).

Между тем протест этот был многовариантен и динамичен, и в принципе возможно говорить о наличии в нем определенных качественно новых этапов. Одним из таковых мы полагаем 1920—1921 гг. — период, когда появился новый фактор — протестные выступления красноармейцев. Тема участия в протестном движении красноармейцев уже поднималась в отечественной историографии [10], но Ю. А. Ильин ограничил его красноармейцами-крестьянами, периодом 1920 — начала 1921 г. и определил это движение как «антикоммунистическое». Причем доказывался последний тезис — об антикоммунизме — на данных о дезертирах и выступлении А. Сапожкова, т.е. крайне неубедительно, поскольку именно в выступлении Сапожкова нет антикоммунистических нот, напротив, в нем наиболее активную роль сыграли коммунисты дивизии. Впрочем, вся система доказательств по данному выступлению у автора базировалась на хронике В. В. Троцкого и А. Д. Демидова, изданной в 1934 г. [29]<sup>1</sup>.

Мы не рассматриваем данный период на всей территории страны. Территориально речь идет о регионе Заволжья и Южного Урала<sup>2</sup>. Данный регион в рассматриваемый период уже достаточно долгое время находился под контролем коммунистической власти; гражданская война «красных» и «белых» на этой территории по сути была окончена. Отсюда 1920-й год — новый виток противостояния, новый уровень конфликта, только

<sup>1</sup> Кстати, фамилия первого автора именно В. В. Троцкий, а не «Троицкий», как пишет автор статьи.

<sup>2</sup> Границы региона определены условно: Бузулукский уезд, где происходило выступление «Армии Правды», был на тот момент в Самарской губернии (Поволжье), а впоследствии — в Оренбургской (Южный Урал).

теперь коммунистическим властям противостоят никак не «белые». Хотя, разумеется, власти активно использовали все тот же тезис о борьбе красных и белых. Так, в Бузулуке, куда направлялась повстанческая «Армия Правды», было объявлено, что идут контрреволюционеры, которым просто неоткуда было взяться: «Армия» двигалась от Оренбурга, занятого красными еще в январе 1919 г. Сходным образом башкирские власти объявляли о мятежных отрядах Красной Армии Башкирии: «Будучи наемниками зарубежных капиталистических стран, царские генералы Корнилов, Каледин, Краснов, Юденич, Деникин, Дутов, Колчак, Врангель собрали контрреволюционную армию. Осколки банд на Украине и в Сибири беспрестанно нападали, но их планы были нарушены. В наши дни остатки этих банд вторглись на территорию Башкирии. Они наемники Николая II и жалкие остатки армий белых генералов» [17, л. 1]. На самом же деле все это были красноармейские части, причем с «боевым» прошлым и заслугами в деле защиты советской власти.

14 июля 1920 г. командир 2-й кавалерийской дивизии А. Сапожков объявил дивизию «Красной Армией Правды»<sup>1</sup>, обвинив партийное руководство страны в предательстве идеалов Октябрьской революции. Примерно в это же время начались массовые выступления остатков башкирской Красной Армии в юго-восточных кантонах Башкирии как ответ на жесткие действия центра: роспуск Башревкома во главе с А. Валидовым, разгон башкирских органов власти, введение продразверстки. Весной 1921 г. последние отряды башкирских повстанцев присоединились к «Первой народной революционной армии» Охранюка (Черского) — восставшему в апреле 1921 г. 49-му дивизиону, дислоцированному в Бузулукском уезде для подавления «мятежей кулацких банд».

Под «красноармейцами» можно понимать тех, кто служил в Красной Армии ранее, а на момент протестного выступления стал гражданским лицом, а также тех, кто непосредственно был в рядах Красной Армии на момент, когда оказался на стороне повстанцев. В любом из вариантов это были люди, уже воевавшие за советскую власть. Вовлечение красноармейцев в повстанческие выступления происходило по разным причинам: личный выбор — когда вернувшиеся из Красной Армии в родное село присоединялись к выступлению там; невольно оказавшиеся в «мятеже» (типичный пример: в 1920 г. А. Сапожков в Бузулуке провозгласил свою дивизию «Армией Правды», практически весь состав дивизии был поставлен перед фактом участия); попавшие в плен к повстанцам и присоединившиеся к ним, последнее — наиболее сознательное действие из всех отмеченных. Впрочем, есть еще один вариант, самый активный и инициативный — когда красноармейская часть поднимала восстание. Подобных случаев не так уж и много, и потому они заслуживают особого внимания. Несомненно, лидерами протеста выступали командиры, но и сами красноармейцы имели собственные взгляды и собственную оценку происходящего. У рядовых участников протеста почти всегда была возможность уклониться от этого; остающиеся «в рядах мятежников» тем самым демонстрировали свое согласие с ним.

Вопрос вопросов — почему на протест поднималась «красная» часть? Важно подчеркнуть, что все они были частями с боевым прошлым — с опытом и заслугами борьбы за советскую власть<sup>2</sup>. Не случайными людьми были красные командиры. Для советской

<sup>1</sup> В документах из лагеря восставших (воззваниях, приказах) название повстанческого соединения давалось по-разному: «Армия “Правды”» [15, с. 520—521], «1-ая Красная Армия — “Правды”», «1-ая Красная Армия “Правды”» [15, с. 527—528], «Красная Армия Правды» [2, л. 557]. В первых двух случаях текст публиковался с копий, в третьем случае — подлинник.

<sup>2</sup> В дивизию Сапожкова входили два конных полка — 7-й, созданный из остатков 28-й чапаевской дивизии, с основным ядром из новоузенских крестьян, закаленных в Гражданской войне. Восьмой полк был составлен из уральских казаков-перебежчиков. Инспектор политуправления башкирских войск Р. Бикбаев отмечал, что среди «бандитов»-башкир было очень много красноармейцев, бывших ранее на Петроградском фронте [16, л. 150]. О составе дивизиона Охранюка данных нет, но определенным свидетельством можно полагать фразу из их листовки: «Вызывая нас, красноармейцев, из разной местности России...» [18, л. 101 об. — 102].

историографической традиции характерно объяснять переход того или иного красного командира в ряды «мятежников» тем, что ранее он был эсером, что тогда воспринималось как своеобразное клеймо и дополнительных объяснений не требовало. При этом никогда не давалось объяснение очевидному вопросу: почему этот эсер до мятежа сражался бок о бок с коммунистами за советскую власть? Рядовые красноармейцы были либо добровольцами, либо мобилизованными, но отобранными по классовому принципу. Разумеется, коммунистическая пропаганда объявляла их потом всех контрреволюционерами, кулаками, пособниками белых и проч., но на самом деле власти прекрасно понимали, что это выступления «своих». Думается, именно по этой причине «красное» повстанчество вызвало у властей столь резкую и жесткую реакцию, ибо последствия могли быть непредсказуемыми.

Причина «красных» выступлений, на первый взгляд, более чем очевидна: несогласие с политикой «военного коммунизма», жесткостями продразверстки, что подтверждается лозунгами программных заявлений повстанцев, многими свидетельствами. А это, в свою очередь, работает на тезис о единстве протеста по стране, поскольку практически повсеместно крестьянство поднималось против продразверстки начиная с 1918 г. Однако «красный» протест в рассматриваемом нами регионе начинается позже, спустя два года, что можно объяснить изменением социально-политической обстановки в регионе и качественными изменениями самой Красной Армии.

В 1920 г. это была совершенно иная армия, нежели в период ее создания в 1918-м. Время народных вожаков, увлекавших за собой партизанские отряды своим личным примером и харизмой, прошло. Полезные на этапе ожесточенного противостояния с белыми, когда практически любые союзники были необходимы, они перестали быть таковыми. Изменился расклад сил: белые повсеместно отступали, Красная Армия усилилась и укрепилась организационно, партизанские вожаки потеряли ценность, более того, становились опасными своей непредсказуемостью, авторитетом в войсках и наличием могущих пойти за ними. В итоге на завершающем этапе войны коммунисты постепенно и методично отстраняли вчерашних союзников: Ф. Думенко погиб в тюрьме, В. Чапаев — погиб при достаточно неясных обстоятельствах, впрочем, и пережившие войну, как, например, Г. Котовский, также потом прожили недолго. Отстранение А. Сапожкова было едва ли не завершающим действием, причем данные говорят, что тот же Сапожков видел, что происходит, понимал его смысл — «со стороны центра наблюдается недопустимое отношение к старым заслуженным революционерам»: «расстрелян такой герой, как Думенко. Если бы Чапаев не был убит, его бы, конечно, расстреляли, как, несомненно, расстреляют Буденного, когда будут в состоянии без него обойтись» [9, с. 569].

В «новой» Красной Армии партизанская вольница была ликвидирована, армия стала управляемой силой, в пользу чего говорит привлечение старых военных специалистов, что, конечно же, было немислимо на начальном этапе вооруженной борьбы. Значит, могущее возникнуть недовольство «золотопогонниками» было возможно погасить: конфликт А. Сапожкова с властью начался, когда вместо него командиром дивизии был назначен царский офицер — полковник Стасуй. При этом в дивизии подобное назначение особого протеста не вызвало, а если бы и вызвало, то прекратить его было нетрудно за счет установленной строгой дисциплины, в немалой степени за счет системы слежения и жестких репрессий в случае необходимости. Контроль за всеми возводился в долг каждого члена партии<sup>1</sup>. Части были пронизаны сетью секретных сотрудников и информаторов. Начальник особого отдела в дивизии Сапожкова В. Масляков позднее в объяснительной писал,

<sup>1</sup> Из инструкции «осведомителю и агенту агентурной разведки», утвержденной комЧОН Оренбурга: товарищи «привлекаются к данным обязанностям в порядке партийной дисциплины» [19, л. 37].

что Сапожков «сторонился, упрекая меня в том, что я нашпиговал его полки шпионами» [2, л. 549 об.].

И так было не только в дивизии Сапожкова. Например, в воззвании, распространенном в ст. Могулевской Курганского уезда Челябинской губернии, указывалось: «...а чем у нас ячейки и коммунисты в полках занимаются, слепому и то видно, что ячейки — это то же сыскное, коммунисты — это сыщики форменные. Следить за товарищами, подслушивать, пытать, доносить комиссарам и получать за это награду... как и Иуда, за то, что человека предал на смерть, — вот их занятие, ячеек этих» [31, л. 54—54 об.]. Поэтому нам трудно согласиться с суждением Ю. А. Ильина об «интенсивном» разрушении РККА «изнутри» — якобы она «идейно-политически и морально деградировала» [10]. Напротив, она укрепилась, став при этом иной — через изъятие из ее рядов всех тех, кто не вписывался в новую заданную схему. В той же дивизии Сапожкова, приготовляемой к отправке на фронт, была проведена партийная чистка.

Красноармейцы подвергались активной и наступательной пропагандистской обработке. Можно допустить, что на солдат с опытом это воздействие не было эффективным, почему они и составили основу «красного» протеста. Основная масса имела боевой опыт и являлась более идейной. Но на молодежь, свежих призывников, агитация действовала. Особое внимание стоит обратить на военные школы как особые воинские соединения — они активно привлекались к подавлению «красных» мятежников, причем воевали серьезно и, что показательно, гордились этим. По идее, курсанты в военном отношении не могли быть серьезной силой, но, вероятно, в эти школы проводился более строгий отбор и в них шла особая обработка.

Показательны также изменения в составе сил, привлекаемых коммунистами на подавление «мятежей»: сначала это были части внутренней службы (ВНУС) Красной Армии, поддерживаемые при необходимости отрядами из местных коммунистов. В 1921 г. на местах из коммунистов и комсомольцев создается «боевая сила пролетарской революции» — войска ЧОН (части особого назначения). Их задача — борьба с «политическим бандитизмом».

Окончательное изгнание белых с территории Южного Урала имело следствием стабилизацию «советской власти»: создание аппарата Советов, системы управления, а самое главное — осуществление в полной мере того курса, который уже реализовывался на территориях, ставших «советскими» раньше. Прежде всего это касалось продразверстки и всего с ней связанного. В условиях ранее бывшего военного противостояния 1918—1919 гг. в регионе центр не мог осуществлять продразверстку целенаправленно и повсеместно. Да и сами механизмы сбора, изъятия, хранения и транспортировки продовольствия вырабатывались на ходу, достигнув к 1920 г. определенного совершенства. Теперь же, апробированные на территориях центральной России, эти механизмы, как и приемы насилия и угроз, разом переносились на южноуральскую территорию. В 1920 г. в Уфимской губернии было 42 вида разверстки [25, л. 53 об.], в Челябинской — 23 [32, с. 429—430], в Оренбургской губернии сверх продовольствия существовала разверстка на гривы, хвосты, рога и копыта [20, л. 20]. В регионе независимо друг от друга действовали различные вооруженные отряды — губернские военно-продовольственные бюро, самостоятельные отряды из центра, органы снабжения армий. Ранее, в 1919 г., предполагалось, что продорганы наряду с изъятием излишков будут вести агитационную работу, но теперь ставка делалась исключительно на насилие. Источники однозначно говорят о сборе продовольствия как о военной операции: соответствующая лексика документов, соответствующие действия. Типичная картина — обращение из Стерлитамака в нарко-

мат продовольствия: «...надо 4200 штыков минимум... срочным порядком выслать три тысячи откуда угодно, иначе кампания будет вновь проиграна» [24, л. 3—4].

Между тем деревня региона находилась в плачевном состоянии. Уместно процитировать письмо атамана А. Дутова Колчаку от 24 апреля 1919 г.: «Больницы в деревнях почти все закрыты, лекарств нет, денег персоналу не платят, содержать больницы нечем. Школы не работают, учителей нет, жалованье им не платили за полгода и больше, все почти поступило в чиновники или же в кооперативы. Дороги не исправляются, мосты не чинятся, все разваливается. В деревнях нет ситца, нет сахара, нет спичек и керосину. Пьют траву, самогонку, жгут лучину...» [6, с. 198]. С тех пор лучше не стало; разоренная в ходе военных действий южноуральская деревня оказалась на грани голода и при этом подвергалась постоянному насилию. Создание в регионе частей ЧОН именно в 1921 г. более чем показательно: соединения решали исключительно военные задачи на «освобожденной от белых» более чем год назад территории<sup>1</sup>.

Неудивительно, что происходившее в деревнях не могло пройти мимо красноармейцев. В обращении Штаба Красной Армии Башкирии к «товарищам красноармейцам» отмечалось: «После удаления вождей Башкирии тов. Валидова, Юмагулова и других захватили власть нежелательные элементы, начали расстреливать местных жителей Башкирии, конфисковали имущество, беспощадно арестовывали» [31, л. 53]. Начальник особого отдела дивизии Сапожкова сообщал, что еще до этого среди красноармейцев наблюдались «враждебные выступления некоторых элементов против работников продорганов» [2, л. 38]. Иное свидетельство секретного сотрудника: «Получались сведения... об агитации против продовольственной политики Советской власти, даже об оскорблении портрета ЛЕНИНА» [2, л. 508]<sup>2</sup>. В воззвании Охранюка говорилось: «Вызывая нас, красноармейцев, из разной местности России для уничтожения, как нам говорили, бандитизма, они надеялись на нас, и мы откликнулись на их зов. И что же мы увидели вместо бандитов: мы увидели родных, отцов, матерей и детей, пухнувших от голода, между тем когда просили свой хлеб, то их называли бандами и заставляли нас их уничтожать» [18, л. 101 об. — 102].

Достаточно резкие заявления, звучавшие в воззваниях повстанцев, и еще более жесткие действия в отношении коммунистов подкрепляли тезис, существовавший с советских времен о контрреволюционности и антикоммунистической направленности подобных выступлений. Недовольство коммунистами в это время проявлялось повсеместно. Практически с самого начала коммунистическая власть в качестве контрпропаганды утверждала о поголовных расправах с коммунистами, причем именно за то, что эти люди — члены компартии. Знакомство с материалами свидетельствует, что никто не поднимал вопрос о коммунизме, коммунистической идеологии, коммунистических вождях. Напротив, воззвания Красной Армии Башкирии завершались здравицами в честь Красной Армии и тов. Ленина<sup>3</sup>. Инспектор политуправления башкирских войск Р. Бикбаев во время переговоров с повстанцами в д. Баймак видел везде красные флаги, красные банты у повстанцев и красные ленты на лошадях. Над штабом повстанцев висел лозунг: «Бей коммунистов, безбожников, грабителей народа, да здравствуют Ленин, Троцкий, Валидов! Да здравствует Советская власть! Да здравствует свободная торговля!» [16, л. 150]. Разумеется, призыв «Бей коммунистов» можно толковать так, как это делала со-

<sup>1</sup> Специальный циркуляр определял «тактику борьбы с бандитизмом» как: «а) действия против вооруженного противника» и «б) действия при оккупации района» [33, с. 73—74].

<sup>2</sup> Стоит обратить внимание на написание фамилии Ленина — заглавными буквами — в документации дореволюционного периода (жандармов) так писались имена царской семьи и великих князей.

<sup>3</sup> «Да здравствует Красная Армия и тов. Ленин. Да здравствует вождь Красной Башкирии тов. Валидов» (из воззвания штаба Красной Армии Башкирии) [31, л. 53].

ветская историографическая традиция. На самом же деле неприятие касалось местных коммунистов, а еще точнее, тех местных членов партии, кто предметно был причастен к происходящему в деревнях. Заявления чекистов о том, что «бандиты» вырезали партийные ячейки, достаточно голословны. Повстанцы подходили дифференцированно: «Армия “Правды” признает только тех коммунистов, которые работают на пользу народу, тех же людей, партийных и беспартийных, которые угнетают народ, отбирают у него все и грабят до последнего, армия “Правды” убирает их с этих мест» (из приказа «Армии Правды» 21.07.1920) [28, л. 2]. Та же чекистская разведка, сообщавшая, что народармейцы Охранюка «много расстреливают», одновременно указывала, что «коммунисты предаются суду общества» [4, л. 26—26 об.]. Местные коммунисты были одновременно заложниками власти и жертвами. Их руками творились бесчинства, на них в первую очередь обрушивался народный гнев.

Каждое из трех названных нами выступлений имело свои и исключительно свои особенности. Выступление Сапожкова по-своему уникально — подобного ни до, ни после него в стране не наблюдалось. Заявив о восстании, Сапожков практически ничего не сделал для того, чтобы предпринять активные действия. Его выступление — скорее демонстрация протеста. Расчет строился на резонанс от происшедшего и добровольного присоединения к «Армии Правды» других советских сил. Простояв три дня в Бузулуке, он был вынужден оставить город, поскольку приближались карательные войска, да и все последующие события представляли собой постоянный отход «Армии» в сторону Уральска и нежелание повстанцев сражаться со «своими»: Сапожков и прочие по-прежнему воспринимали «красных» и коммунистов как «своих».

Массовые выступления башкир были во многом спровоцированы жесткой политикой центра, не желавшего примириться с устройством Башкирии не по «советской» модели и начавшего проводить курс «ликвидации “валидовщины”» (по имени А. Валидова, главного идеолога самостоятельного башкирского курса). Башкиры массово поддерживали повстанцев, в том числе многие партийные и советские работники. Достаточно скоро борьба приобрела национальный характер русско-татарского и башкирского противостояния. В ноябре коммунистические власти Башкирии вынуждены были вступить с повстанцами в переговоры, предложив им амнистию. Отдельные отряды повстанцев продолжали сопротивление, продержавшись до весны 1921 г., после чего отряды Магасумова и Усманова присоединились к «Народной революционной армии» Охранюка (Черского).

Выступление этой «армии» также имеет свою особую предысторию. В ноябре 1920 г. 49-й дивизион под командованием Охранюка был послан в с. Преображенское Орского уезда Оренбургской губернии для подавления начавшегося возмущения [27]. В декабре все было кончено: командир восставших, Федор Мамыкин, попал в плен и был отправлен в Орск в ЧК. Несколько позднее ему удалось бежать и вернуться домой [26, с. 123]. Дивизион Охранюка в это же время был передислоцирован в Бузулукский уезд для искоренения там последствий выступления «Армии Правды» А. Сапожкова. И в апреле 1921 г. Охранюк поднял восстание. После этого мятежный дивизион начал быстрое передвижение на восток, стремясь поскорее достигнуть Преображенского, что было, разумеется, не случайно. Именно там Охранюк и провозгласил себя «командующим всеми вооруженными силами народной революционной армии» под фамилией Черский. Мамыкин стал его адъютантом и оставался с Охранюком до самого конца [3, л. 58 об.]. Причины столь решительных перемен в считанные месяцы восставшие объясняли в листовке: «Мы, видя такую большую несправедливость, положили всему этому конец, порешив раз и навсегда уничтожить всех угнетателей в корне и дать народу полную спокойную

жизнь, что это уже нами начато и будет уже кончено» [18, л. 101 об. — 102]. Получается, что пересмотр воззрений произошел в течение нескольких месяцев.

Также стоит обратить внимание на объединение башкир и Охранюка. Факты объединения повстанческих отрядов по стране имели место, но в данном случае есть важный нюанс. Союз русских и башкир-повстанцев достаточно необычен, поскольку одной из причин своего выступления башкирские повстанцы называли замену состава башкирских властных структур (в том числе и Башревкома) с башкир на русских и татар и неприкрытую враждебность к ним русских южноуральских коммунистов. Тем не менее с Охранюком они объединились, причем настолько, что приняли совместную «Декларацию», объявлявшую Башкирию автономией с центром в Преображенском, «куда должны сосредотачиваться все воинские части, а также все управление княжества Башкирии». Документ был подписан Охранюком (под фамилией Черский) и председателем «княжества Башкирии» Габбасом Амантаевым [18, л. 107 об.]. Мы полагаем, что главная причина объединения — убеждение, что коммунисты на местах проводят неверный курс, а значит — схожесть в видении «верного» курса.

Выступление Сапожкова было скорее протестом ради протеста. Но, как показали события, неудачным. Все последующие выступления были более решительными и активными.

И все же при кажущихся серьезных различиях эти выступления имели принципиально общее. Они все были не против революции, советской власти и революционных преобразований, а против того варианта, той модели развития и строительства нового мира, который даже не предлагал, а навязывал коммунистический центр.

Совершенно нелепо пытаться свести этот протест к личным качествам вожаков повстанцев, как и к стремлению покончить с коммунистами. Мы утверждаем, что и это выступление Сапожкова, и иные ему подобные, не были основаны на личных субъективных причинах, хотя, разумеется, субъективные факторы имели место и придавали каждому подобному выступлению особые черты. И все же это было прежде всего попыткой реализовать иную, как казалось, более справедливую, может быть, более рациональную модель создаваемого нового общества. Достаточно поставить под сомнение извечно существовавший тезис об исключительной и безвариантной правоте проводимого ленинско-сталинской партией курса, как оценка происходившего начинает меняться.

Показательно, что на подобные выступления власть отреагировала очень быстро и восприняла их весьма болезненно. На X съезде РКП(б) военный комиссар Полевого штаба РВСР К. Х. Данишевский назвал выступление Сапожкова «главной опасностью»: «Товарищи, это есть главная опасность. Эта главная опасность, которая движется на нашу партию, на Советскую Россию» [8, с. 285]. На первый взгляд опасность преувеличена, поскольку активных военных действий Сапожков не вел, постоянно отступал, по возможности уклоняясь от боестолкновений. На самом деле опасность действительно была. В материалах трибунала по делу «сапожковцев» есть как бы аналитический отчет, составленный кем-то из партийных секретарей Бузулука (подпись не читается), в котором, в частности, отмечалось: «Картина позорная и вопиющая. Коммунистами возглавлялась оборона города. Коммунисты стояли во главе банд, нападавших на город, коммунисты же, наконец, возглавляли и ту своеобразную не то нейтральную, не то скрыто-враждебную к одной из дравшихся сторон группу, которая взяла в свои руки гражданскую власть во время свалки и сконструировала новый исполком» [9, с. 575]; «Главарями восстания оказались, если не считать самого Сапожкова, ПОГОЛОВНО КОММУНИСТЫ<sup>1</sup>, члены той же Бузулукской уездной организации» [9, с. 576]; «Если мы сопоставим это высту-

<sup>1</sup> Выделено в тексте документа.

пление с той уродливой борьбой, которая глухо идет во многих партийных организациях, иногда безобразно проявляясь на конференциях... — мы должны будем признать, что проходить с легким сердцем мимо сапожковской авантюры не приходится... Восстание, возглавляемое целым сонмом “коммунистов”, да еще под лозунгом “Да здравствует РКП, да здравствует IV Интернационал, долой лжекоммунистов” вещь у нас, как кажется, еще небывалая... Очевидно, что в партии не все обстоит благополучно. Обозначается серьезная болезнь, к излечению которой должны быть приняты срочные и энергичные меры» [9, с. 577—578].

К. Х. Данишевский на съезде выразил ту же мысль, только более образно: «...критика советской политики, советского строительства, советской системы перешла в критику с оружием в руках» [8, с. 285]. Подобная «критика» стала приобретать массовый характер: на том же съезде И. Т. Смилга говорил, что «у нас на юге, на Северном Кавказе» «отдельные воинские части вместе с комячейками переходят к бандитам, и эти комячейки продолжают там существовать». И далее: «Для нас страшно то, что коммунисты участвуют в резне продработников, чекистов, трибунальщиков и при этом говорят, что они за Советскую власть» [8, с. 255]. Начавшееся тогда же Кронштадтское восстание стало дополнительным аргументом в пользу всеобщности явления. Все это позволяет нам сделать вывод о качественно новом этапе крестьянского протеста. Ю. А. Ильин полагал начавшуюся демобилизацию и X съезд партии рубежом, на котором «“армейский вариант” крестьянской войны против режима» сменился «крестьянским вариантом» «войны класса сельских товаропроизводителей... против коммунистических властей» [10]. Но выступления красноармейцев продолжались, как видим, и после X съезда, а это значит, что протест не ограничивался недовольством продразверсткой и сопутствующими ей эксцессами.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00149 «Феномен “красного” повстанчества в гражданской войне: сопряженность идейных установок, военных и организационных решений (Центральное Черноземье, Поволжье и Южный Урал)».*

#### Список использованных источников и литературы

1. Алешкин П. Ф., Васильев Ю. А. Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствия (1918—1922 гг.). М. : Голос-Пресс, 2010. 575 с.
2. Архив УФСБ по Оренбургской области. Д. 13893. Т. 11.
3. Архив УФСБ по Оренбургской области. Д. 62600.
4. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 1.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5556. Оп. 1. Д. 108.
6. Гражданская война на Южном Урале: 1918—1919 гг. : сб. документов и материалов. Челябинск : Челяб. кн. изд-во, 1962. 440 с.
7. Двойных А. В. Лозунги и программа крестьянского повстанчества в России в годы Гражданской войны : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2010. 221 с.
8. Десятый съезд РКП(б) : стенограф. отчет. М. : Госполитиздат, 1963. 915 с.
9. Документ по истории выступления «Армии Правды» А. Сапожкова (1920 г.) / публ. Д. А. Сафонова // Крестьянский фронт 1918—1922 гг. : сб. статей и материалов / сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М. : АИРО-XXI, 2013. С. 564—578.
10. Ильин Ю. А. Антикоммунистическое движение среди красноармейцев-крестьян в 1920 г. — начало 1921 г. [Электронный ресурс] // На пути к гражданскому обществу. 2011. № 1-2. URL: <http://government.esrae.ru/pdf/2011/1-2/159.doc>.
11. Кондрашин В. В. Проблемы крестьянского движения в Советской России в 1918—1921 гг. // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX — начало XX в.) : сб. науч. ст. Тамбов : ТГУ им. Г. Державина, 1998. Вып. 2. С. 126—136.
12. Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918—1922 гг. М. : Янус-К, 2001. 543 с.

13. Кондрашин В. В. Лозунги и программа крестьянского повстанческого движения в годы гражданской войны // Крестьянский фронт 1918—1922 гг. : сб. статей и материалов. М. : АИРО-XXI, 2013. С. 80—98.
14. Крестьянский фронт. 1918—1922 гг. : сб. статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М. : АИРО-XXI, 2013. 740 с.
15. Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922 гг.: Документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М. : РОССПЭН, 2002. 944 с.
16. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 1832. Оп. 4. Д. 305.
17. НА РБ. Ф. 1839. Оп. 1. Д. 273.
18. Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 234.
19. ОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 307.
20. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1943. Оп. 2. Д. 504.
21. РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 3. Д. 266.
22. РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 3. Д. 659.
23. РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 6. Д. 2146.
24. РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 11. Д. 291.
25. Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 12. Д. 710.
26. Сафонов Д. А. Мамыкин // Вожаки и лидеры Смуты. 1918—1922 гг. Биографические материалы / под ред. А. В. Посадского. М. : АИРО-XXI, 2017. С. 123—124.
27. Сафонов Д. А. Охранюк (Черский) // Вожаки и лидеры Смуты. 1918—1922 гг. Биографические материалы / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2017. С. 130—131.
28. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 210.
29. Троцкий В. В., Демидов А. Д. 1920 год в Средне-Волжском крае. М. ; Самара, 1934. 235 с.
30. Филин М. В. Протестное движение российского казачества в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918—1922 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 22 с.
31. Центр документации новейшей истории Челябинской области (ЦДНИЧО). Ф. 77. Оп. 1. Д. 127.
32. Челябинская губерния в период военного коммунизма (июль 1919 — декабрь 1920 г.) : документы и материалы. Челябинск : Челяб. кн. изд-во, 1960. 706 с.
33. Ч.О.Н. Положение, руководство, циркуляры. М. : Изд. Штачонреспа, 1921. 88 с.
34. Шадский О. Г. Зарубежная историография российского крестьянства и крестьянских движений 1918—1921 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 6 (80) : в 2 ч. Ч. 2. С. 108—112.
35. Яценко В. Г. Хроника утаенного бунта: Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону (1918—1923). 2-е изд., испр. и доп. М. : ЛЕНАНД, 2017. 264 с.

Поступила в редакцию 01.05.2019

**Сафонов Дмитрий Анатольевич**, доктор исторических наук, профессор  
Оренбургский государственный университет  
Российская Федерация, 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13  
E-mail: [d\\_safonov@mail.ru](mailto:d_safonov@mail.ru)

UDC 94(47).084.3:356-057.36(470.5)

**D. A. Safonov****The Red Army in the rebel movement in the Southern Urals (1920—1921)**

The article puts forward the thesis of the need to highlight a special stage in the peasant rebellion during the Civil War — the protest of the Red Army. Beginning in 1920, the Red Army units, known to be supporters of Soviet power, were active in the South Ural region. The tough actions they carried out against the communists secured them the definition of anti-Soviet and anti-communist. In fact, they were not; their protest was directed neither against the Soviets, nor against revolutionary transformations, nor against communist ideas, but against specific people with party membership who carried out the wrong and fatal, in their opinion, course. Hence, such protests of the Red Army should be viewed as attempts to correct the course pursued by the communists in power, and their programs as an alternative to the development of the revolution and the construction of a new world.

**Key words:** insurrection, Red Army men, communists, protest, model of building socialism.

**Safonov Dmitry Anatolyevich**, Doctor of Historical Sciences, Professor  
Orenburg State University  
Russian Federation, 460018, Orenburg, pr-t Pobedy, 13  
E-mail: [d\\_safonov@mail.ru](mailto:d_safonov@mail.ru)

**References**

1. Aleshkin P. F., Vasil'ev Yu. A. *Krest'yanskaya voina v Rossii v usloviyakh politiki voennogo kommunizma i ee posledstviya (1918—1922 gg.)* [The peasant war in Russia in the context of the policy of war communism and its consequences (1918—1922)]. Moscow, Golos-Press Publ., 2010. 575 p. (In Russian)
2. *Arkhiv UFSB po Orenburgskoi oblasti* [Archive of the Federal Security Service of Orenburg Region]. D. 13893. Vol. 11.
3. *Arkhiv UFSB po Orenburgskoi oblasti* [Archive of the Federal Security Service of Orenburg Region]. D. 62600.
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [State Archive of the Orenburg Region] (GAOO). F. R-147. Op. 1. D. 1.
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (GARF). F. 5556. Op. 1. D. 108.
6. *Grazhdanskaya voina na Yuzhnom Urale: 1918—1919 gg.: sb. dokumentov i materialov* [Civil War in the Southern Urals: 1918—1919. Collect. of documents and materials]. Chelyabinsk, Chelyab. kn. izd-vo Publ., 1962. 440 p. (In Russian)
7. Dvoynikh A. V. *Lozungi i programma krest'yanskogo povstanchestva v Rossii v gody Grazhdanskoi voyny: dis. ... kand. ist. nauk* [Slogans and the program of peasant insurgency in Russia during the Civil War. Cand. Dis.]. Penza, 2010. 221 p. (In Russian)
8. *Desyatyi s'ezd RKP(b): stenograf. otchet* [Tenth Congress of the RCP(b). Verbatim report]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1963. 915 p. (In Russian)
9. Dokument po istorii vystupleniya "Armii Pravdy" A. Sapozhkova (1920 g.). Publ. D. A. Safonova [A document on the history of the performance of "The Army of Truth" by A. Sapozhkov (1920). Publ. by D. A. Safonov]. *Krest'yanskii front 1918—1922 gg. Sb. statei i materialov* [Peasant Front, 1918—1922. Collect. of articles and materials]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2013, pp. 564—578. (In Russian)
10. Il'in Yu. A. Antikommunisticheskoe dvizhenie sredi krasnoarmeitsev-krest'yan v 1920 g. — nachale 1921 g. [The anti-communist movement among the Red Army peasants in 1920 — early 1921]. *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu*, 2011, no. 1-2. Available at: <http://government.esrae.ru/pdf/2011/1-2/159.doc>. (In Russian)
11. Kondrashin V. V. Problemy krest'yanskogo dvizheniya v Sovetskoj Rossii v 1918—1921 gg. [The problems of the peasant movement in Soviet Russia in 1918—1921]. *Tambovskoe krest'yanstvo: ot kapitalizma k sotsializmu (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.): sbornik nauch. st.* [Tambov peasantry: from capitalism to socialism (second half of the XIX — beginning of the twentieth century). Collect. of scientific articles]. Tambov, TGU im. G. Derzhavina Publ., 1998, is. 2, pp. 126—136. (In Russian)
12. Kondrashin V. V. *Krest'yanskoe dvizhenie v Povolzh'e v 1918—1922 gg.* [The peasant movement in the Volga region in 1918—1922]. Moscow, Yanus-K Publ., 2001. 543 p. (In Russian)

13. Kondrashin V. V. Lozungi i programma krest'yanskogo povstanchesкого dvizheniya v gody grazhdanskoi voiny [The slogans and the program of the peasant rebel movement in the years of the Civil War]. *Krest'yanskii front 1918—1922 gg.: sbornik statei i materialov* [Peasant Front 1918—1922. Collect. of articles and materials]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2013, pp. 80—98. (In Russian)
14. *Krest'yanskii front 1918—1922 gg.: sbornik statei i materialov* [Peasant Front 1918—1922. Collect. of articles and materials]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2013. 740 p. (In Russian)
15. *Krest'yanskoe dvizhenie v Povolzh'e. 1919—1922 gg.: Dokumenty i materialy* [The peasant movement in the Volga region. 1919—1922. Documents and materials]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 944 p. (In Russian)
16. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan* [National Archive of the Republic of Bashkortostan] (NARB). F. 1832. Op. 4. D. 305.
17. NARB. F. 1839. Op. 1. D. 273.
18. *Orenburgskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Orenburg State Archive of Social and Political History] (OGASPI). F. 1. Op. 1. D. 234.
19. OGASPI. F. 1. Op. 1. D. 307.
20. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economics] (RGAE). F. 1943. Op. 2. D. 504.
21. RGAE. F. 1943. Op. 3. D. 266.
22. RGAE. F. 1943. Op. 3. D. 659.
23. RGAE. F. 1943. Op. 6. D. 2146.
24. RGAE. F. 1943. Op. 11. D. 291.
25. *Rossiiskii Tsentr khraneniya i izucheniya dokumentov noveishei istorii* [Russian Center for storing and studying documents of recent history] (RTsKhIDNI). F. 17. Op. 12. D. 710.
26. Safonov D. A. Mamykin [Mamykin]. *Vozhaki i lidery Smuty. 1918—1922 gg. Biograficheskie materialy* [Fugleman and leaders of the Troubles. 1918—1922. Biographical materials]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2017, pp. 123—124. (In Russian)
27. Safonov D. A. Okhranyuk (Cherskii) [Ohranyuk (Chersky)]. *Vozhaki i lidery Smuty. 1918—1922 gg. Biograficheskie materialy* [Fugleman and leaders of the Troubles. 1918—1922. Biographical materials]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2017, pp. 130—131. (In Russian)
28. *Samarskii oblastnoi gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Samara Regional State Archive of Social and Political History] (SOGASPI). F. 1. Op. 1. D. 210.
29. Trotskii V. V., Demidov A. D. *1920 god v Sredne-Volzhskom krae* [1920 in the Middle Volga region]. Moscow, Samara, 1934. 235 p. (In Russian)
30. Filin M. V. *Protestnoe dvizhenie rossiiskogo kazachestva v usloviyakh politiki voennogo kommunizma i ee posledstviya (1918—1922 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The protest movement of Russian Cossacks in a policy of military communism and its aftermath (1918—1922). Abstr. Cand. Dis.]. Moscow, 2007. 22 p. (In Russian)
31. *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Chelyabinskoi oblasti* [Documentation center of the newest history of the Chelyabinsk region] (TsDNiChO). F. 77. Op. 1. D. 127.
32. *Chelyabinskaya guberniya v period voennogo kommunizma (iyul' 1919 — dekabr' 1920 g.): dokumenty i materialy* [Chelyabinsk province in the period of war communism (July 1919 — December 1920). Documents and materials]. Chelyabinsk, Chelyab. kn. izd-vo Publ., 1960. 706 p. (In Russian)
33. *Ch.O.N. Polozhenie, rukovodstvo, tsirkulyary* [Special forces (Ch.O.N). Position, guidance, circulars]. Moscow, Shtachonrespa Publ., 1921. 88 p. (In Russian)
34. Shadskii O. G. Zarubezhnaya istoriografiya rossiiskogo krest'yanstva i krest'yanskikh dvizhenii 1918—1921 gg. [Foreign historiography of Russian peasantry and peasant movements of 1918—1921]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, no. 6 (80), part 2, pp. 108—112. (In Russian)
35. Yashchenko V. G. *Khronika utaennogo bunta: Antibol'shevistskoe povstanchestvo v Nizhnem Povolzh'e i na Srednem Donu (1918—1923). 2-e izd.* [Chronicle of the hidden rebellion: Anti-Bolshevik insurgency in the Lower Volga region and the Middle Don (1918—1923). 2<sup>nd</sup> ed.]. Moscow, LENAND Publ., 2017. 264 p. (In Russian)